

Евгения Корешкова

Я - Волна 3. Возвращение

Евгения Корешкова

Я- Волна 3. Возвращение

«Автор»

2026

Корешкова Е.

Я- Волна 3. Возвращение / Е. Корешкова — «Автор», 2026

Даже если свобода взята своими руками, война ещё не закончилась. Испытания на прочность еще впереди. Взаимовыручка - одно из главных жизненных ценностей. Для всех . И когда наступило ликование Победы, неожиданные повороты судьбы не дают просто наслаждаться миром. А какими они будут, те повороты, об этом на страницах третьей, завершающей цикл книги.

© Корешкова Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Допрос	5
Глава 2 Группа крови	11
Глава 3 Новое назначение	16
Глава 4 Последний оскал	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Евгения Корешкова

Я- Волна 3. Возвращение

Глава 1 Допрос

январь 1945г.

Пруссия, действующая РККА

2й Белорусский фронт

Мы с Медведем ехали на заднем сиденье раздрыганныго "Виллиса" штаб нашего полка. Оружие мы так никому и не отдали.

У Медведя голова обмотана бинтом, а правая рука висела на перевязи. Мне повезло больше. – я была цела. Мы ехали, и у меня в голове долбящим вопросом, крутилась одна навязчивая мысль:

– Что же теперь с нами будет?

Особисты расположились в аккуратном домике. Мы вошли, и я сразу увидела, что внутри планировка знакомая. И дом другой, и местность другая, а планировка похожая. Как тогда, у коменданта при моем прерванном побеге: прихожая, направо кухня, прямо – дверь. Хотя она и была закрыта, я знала, что, за ней, зал и две спальни налево-направо. А вот теперь, на входе оружие у нас отобрали. Всё полностью. Даже ножи. Хотя, какое право имели? Не они же его мне выдавали! Надеюсь, удастся вернуть автомат. Зря что ли его начищала-вылизывала? А сюда нас – под конвоем. Как врагов каких. Медведя сразу вперед провели и дверь прикрыли. Мне просто сказали: жди. Я и ждала. Долго. Натоплено в доме хорошо. Я даже расстегнула ватник-только позавчера его на складах добыла. Он мне привычнее и удобнее, чем женская лагерная полосатая пародия на пальтишко, насквозь продуваемая. И прочую одежду поменяла. Платок снимать не стала, лишь ослабила.

Тепло –это хорошо. Даже в сон потянуло. Если начальник у особистов не поменялся, то мне он знаком. Тот самый майор (или уже не майор?), у которого водитель – Пархатый Кандибобер. Но ни одной машины возле дома не было. Только часовой снаружи. И ещё один внутри. И пол затоптан изрядно – уже не та немецкая стерильность. Кто-то даже руки о занавеску вытер, оставив отпечатки грязных ладоней на светло-голубой тонкой ткани. Ладно, это их дело. А время тянулось, долго тянулось. Я уже и перетапываться с ноги на ногу устала. Ладно, на аппеле дольше стояли. Этот разговор (или допрос) всё продолжался и продолжался. Жаль, изоляция хорошая, не слышно ничего. Но, по крайней мере, голоса до крика не повышали. А то бы я услышала. Я ждала. И на душе было как-то пакостно. Ну, зачем своих таскать по допросам? Или мы теперь не свои уже? Наконец дверь распахнулась. Медведь вышел. Внешне спокойный, но глаза! Такая в них плескалась темная тоска и почти отчаяние, что у меня внутри все в комок сжалось. Он поймал мой обеспокоенный взгляд, и сразу же мне ободряюще улыбнулся. Лицо его потеплело. Но улыбка эта вышла у него кривоватой и как бы неловкой. Наш зрительный контакт продлился пару секунд, и его увели. Под конвоем. Своего! Под конвоем. Почему? Видимо сейчас и узнаю.

Автоматчик – незнакомый мне сержант, что встал рядом со мной, скомандовал: пошли. И распахнул белую дверь с бронзовой ручкой. В хозяйской спальне, превращенной в рабочий кабинет, за бывшим обеденным столом, откинувшись на спинку кресла, сидел горбоносый брюнет с погонами лейтенанта. Тоже незнакомый, лет под тридцать или даже чуть больше. Он изучающе смотрел на меня. Долго смотрел. И взгляд у него был темный, строгий, нечитаемый. Нехорошо это, не к добру. А стол был завален папками и какими-то бумагами россыпью. Про-

вожавший меня автоматчик вышел, аккуратно прикрыв дверь. Но я слышала, что он встал там, снаружи.

Лейтенант положил перед собой чистый лист бумаги и занес над ним черную, с серебристой опояской ручку. Ух, ты! Вечная ручка! Вот бы такую трофеем взять! Не надо каждый раз в чернильницу макать. Сесть он мне не предложил, хотя стул сбоку стоял. Ладно, не гордые, постоим. Я старалась не показывать на лице никаких эмоций. И очень надеялась, что у меня это получится. Только бы побыстрее допрашивали. В кабинете было сильно натоплено и от этого душно. Хоть и недолго я здесь пробыла, а перед глазами нет-нет, да и плыло всё. Странно. Вроде бы вчера ела. И утром тоже. Не работала. Что за фигня? С чего бы? Перед фашистами стойко держаться у меня получалось. Ну или почти всегда получалось. Один срыв считается или нет? Я потихоньку, чтоб со стороны было незаметно, чуть расставила ноги для большей устойчивости. А потом еще раз. Так стало получше. Хоть бы стул дали или позволили к стене встать. Вот был бы номер, брякнись я перед ним в обморок!

А лейтенант тем временем приступил к допросу. А начал с того, что предупредил меня об ответственности за дачу ложных показаний. Статьей пригрозил. Допросным голосом можно было резать вместо ножа: такой же холодный и острый. А еще абсолютно спокойный и равнодушный. Следом он потребовал назвать входные данные: имя, фамилию и так далее. На дате рождения я замялась, не зная, как правильно сказать год. Потом, решив, что я уже все равно уже совершеннолетняя, назвала настоящую дату. Особист эту заминку сразу почувствовал:

- Ты даже года своего рождения не помнишь?
- Помню. Пришлось объяснять. Но лучше от этого не стало.
- То есть ты с первых вопросов начинаешь лгать и изворачиваться?
- Я не изворачиваюсь.
- При каких обстоятельствах ты сдалась в плен?
- Я не сдавалась!

Никакой реакции у этого лейтенанта: спокойное лицо, нечитаемый ледяной взгляд.

– Повторяю вопрос. При каких обстоятельствах ты сдалась в плен? Я начала рассказывать, как всё было, ничего не скрывая. Он меня перебил, не дав поведать и четверти:

- Где в момент твоего пленения находилась твоя рация и шифровальный блокнот?

Я опешила:

- Я не знаю. И меня не брали в плен.
- Ты преднамеренно бросила рацию или отдала врагу?
- Нет.
- Ты всё уничтожила согласно предписанию?
- Нет. Не уничтожала.
- Почему ты не сделала этого?
- Потому что сначала в этом надобности не было. А потом меня ранили. И я больше ничего не помню.

- То есть, фашисты захватили твою рацию целой и невредимой? И шифры тоже?

– Нет. Думаю, что нет.

- Но, если ты не уничтожила рацию, значит, она досталась врагу?

– Не должна

- Почему ты так считаешь?

– Наши бы этого не допустили.

- Ты отдавала такой приказ другим членам разведгруппы?

– Нет.

– У тебя есть конкретные доказательства того, что числящаяся за тобой рация действительно была уничтожена?

- Нет. – Кто может подтвердить или опровергнуть твои слова?

– Никто.

– То есть ты не исключаяешь того, что твою рацию захватил враг и впоследствии использовал против нашей армии?

– Нет. Фашисты рацию с собой в село не привозили. Только трупы.

– Гибель сколько членов вашей разведгруппы ты можешь конкретно подтвердить?

– Пятерых.

– Назови.

Я начала перечислять. Меня почти сразу остановили:

– Давай без этих ваших кличек. Фамилия, имя, отчество, звание каждого.

– Есть.

Я назвала.

– С твоих слов, четверо оставшихся разведчиков, как и ты, могли сдать в плен.

– Нет. Я этого не говорила.

– Но ты не видела их мертвыми, а это значит, они могли оказаться в плену.

– Нет. Никто не сдавался. Убитых было восемь человек. Только я не знаю, кто именно остался в живых. Если остался. Наши бы не сдались никто.

– Кроме тебя, получается? Ты не подорвалась, не застрелилась. Струсил. Добровольно сдалась и оказалась в плену.

– Нет. То есть, да. Я не сдавалась.

Окончательно запутавшись в этих каверзных вопросах, я стала понимать, что меня преднамеренно и планомерно я топят. Влипла!

– Кто может подтвердить твои показания?

– Никто. Полищуки, мальчики. Только я не знаю, где они сейчас.

– Несовершеннолетние?

– Да.

– А взрослые?

– Никто. Деревню сожгли, жителей частью уничтожили, остальных угнали в плен. Я не знаю, где кого искать.

– То есть подтвердить твои слова никто не может? Получается твое слово против моего? Так? Я заметила, что он не все писал, упуская свои такие вот провокационные вопросы.

– Так.

– Теперь твое табельное оружие. Ты сдала его фашистам. Он даже не спрашивал. Он утверждал! – Нет!

– Кто может это подтвердить?

– Мальчики. Они забирали меня вместе с пистолетом. И с гранатой.

– То есть ты добровольно отдала свое оружие незнакомым несовершеннолетним?

– Нет.

– Тогда что я должен написать в протоколе? Что ты потеряла свое табельное оружие? Оставила его без присмотра, и им воспользовались посторонние люди? Возможно, враги?

– Нет!

– Хорошо. Допустим. Что мы имеем на данный момент? Четырнадцатого мая сорок четвертого в районе деревни Селищи после гибели части разведгруппы тебя взяли в плен? Или ты сдалась добровольно? На момент пленения ты потеряла, оставила без присмотра или передала врагу как рацию и шифровальный блокнот, так и табельное оружие.

– Нет! Это неправда все. Я не сдавалась.

– Кто это может подтвердить?

– Никто.

– Тогда я записываю все, как озвучил выше.

– Нет! Все было не так.

– А как? Учти, я записываю. А ты начинаешь путать показания, хотя я предупреждал об ответственности за дачу ложных показаний.

– Я не путаю ничего. Меня ранили. Меня подобрали мальчишки. Я находилась на излечении на партизанской явочной квартире. Из партизанского отряда несколько раз приходила врач или фельдшер. Я не знаю. Мне сделали немецкие документы. Аусвайс. Как несовершеннолетней. Мы ждали команды из партизанского отряда, когда мне можно будет покинуть населенный пункт. Но приехала айнзацкоманда, то есть каратели. Деревню сожгли. Жителей частично убили, частично угнали в Германию.

– Итак. Ты сотрудничала с оккупационными войсками, чтобы получить соответствующие документы.

– Нет. Я ни с кем не сотрудничала.

– Но документ ты получила?

– это аусвайс дочери Полищуков.

– Кто может это подтвердить?

– Никто. Возможно, члены партизанского отряда, но я не знаю, где их сейчас искать.

– Название партизанского отряда? Фамилия командира?

– Я не знаю.

–А может быть, никакого отряда не было, и ты сейчас его просто придумала?

– Нет. Он был.

– Опять только твои голословные утверждения? Что ты рассказала фашистам на допросе? О своей части, о задании, которое выполняла ваша разведгруппа? О своих бывших сослуживцах?

– Ничего я не говорила. Не было никакого допроса. Они не знали, что я военнослужащая. Это был трудовой концлагерь. Зандхоф.

– Итак. Ты добровольно работала на немцев в трудовом концентрационном лагере Зандхоф. До момента освобождения лагеря нашими войсками? –Нет. Не добровольно.(Это он еще не знает про помощника капо! Медведь меня не сдал. Я не сболтнула. А вот как если узнает тогда мне совсем трындец!) И мы сами освободились. Лагерь поднял восстание. Потому что его хотели полностью уничтожить. Наши войска только помогли нам. Через сутки.

– Тебя в свое время должны были ознакомить с 270-ым приказом. И ты помнишь, что сдавшиеся в плен и сдавшие врагу свое оружие и прочее снаряжение считаются злостными дезертирами и подлежат расстрелу на месте. Я понятно объяснил?

– Понятно.

– Тогда подписывай протокол допроса.

– Не буду я это подписывать. Это неправда! Я не сдавалась и ничего врагу не передавала. Просто я доказать ничего не могу.

– Как хочешь. Можно и без подписи. Сейчас я закончу оформление документа. И вызову конвой. Они сопровождают тебя на гауптвахту, где ты будешь находиться до исполнения приговора трибунала.

– А побыстрее можно? Сразу. Чтоб не ждать.

Сзади скрипнула дверь. Кто-то вошел и, обойдя меня справа, встал у стола. Я невольно скосила глаза. Мгновенная вспышка восторга, как от неожиданной радостной встречи. Впрочем, тут же угасшая, скрывшись под маской сосредоточенного внимания. Андрей Кузьмич. Наш особист.

– Товарищ майор, – начала я бойко, но сразу осеклась. Как лбом об стену: он-то майор, а кто я сама теперь? Кем я стала для них, бывших сослуживцев? Предатель? Дезертир? А! Да провались все! Терять было уже нечего.

–Товарищ майор, разрешите обратиться. Это срочно. Очень срочно. Пока конвой не пришел.

– Какой конвой? – он посмотрел удивленно.

(А взгляд по моему лицу просто скользнул. Эх! Не узнал).

– Ну, сказали, чтобы расстрелять.

Взгляд майора стал сосредоточенным, внимательным.

– А почему ты решила, что именно расстрелять?

– А что в-веш-шать да? –и осеклась. «Черт! Сорвалась-таки. Не сдержала эмоций, голос дрогнул, и он это заметил. Это плохо. Не нужно бояться. А показывать, что страшно, тем более. Всё. Спокойно!» Я резко выдохнула. –А и где два раза, там не без третьего!

Я взяла себя в руки, пересилив всколыхнувшийся страх. Это был страх тела, знавшего, что такое виселица. Обидно только, что свои! Но дело сейчас не в этом. Я очень торопилась. Я боялась не успеть.

– Товарищ майор. Сейчас передо мной вели допрос Медведя, то есть капитана Силантьева. Нас вместе привезли. Но так нельзя! Его нельзя расстреливать! Он не виноват в том, что на него хотят навешать. Он герой настоящий! Он не дезертир и не предатель. Он ведь ...

– Стоп! – оборвал меня майор, чуть прищурясь и глядя в упор. Я замолчала на полуслове.

– Ты что, не понимаешь? Сейчас хотят расстрелять тебя. Именно тебя. Это за тобой сейчас придет конвой и Ты. Это. Понимаешь?

Он настойчиво пытался достучаться до моего сознания. Думал, что до меня не доходит. Что я с глузду съехала от испуга. Это он зря так. Нет времени бояться. Нужно успеть доказать. Чтобы он услышал меня. И понял.

– Ну, да! Товарищ майор, я поэтому и тороплюсь. Я боюсь, что не успею. Не успею рас-сказать, а это важно. Очень. Силантьева никак нельзя расстреливать. Это ошибка. Я видела его глаза. Значит, все пошло плохо. А это все неправда, то на него придумано. Его подставили. Здесь, сейчас подставили и оболгали. Значит, он просто так же, как и я, ничего не сумел доказать и подтвердить. Он нужный очень нашей армии! Прикажите его не трогать! Я спешила, и дыхания катастрофически не хватало. Майор подошел к столу, взял мой протокол допроса и внимательно прочитал.

– А ты? Вот тут написано... – он замолчал, изучающе глядя на меня.

Я глаз не отвела и не опустила.

– Да там неправда написана! – не выдержала я.

– Всё не так было!

– Представь себе, это все так говорят на допросах. Абсолютно все. «Я не виноват. И все неправда».

– Так оно же и в самом деле неправда.

Я вздохнула и сникла окончательно, поверив в несправедливую безысходность и невозможность ничего доказать. Сглотнула комок в горле, но не замолчала:

– Он просто так вопросы задавал, по-особому. Тут хоть да скажи, хоть нет, всё равно получается, что виновата кругом. Я просто ничего не смогла доказать. Майор вновь заглянул в листок допроса. – Ермолаева Анна? Старшина? Каскад?

– Каскад, – обреченно выдохнула, теперь уже глядя на качающийся пол. И опять передвинула ноги пошире, чтоб устоять. Голову опять повело и перед глазами потемнело. «Только бы не грохнуться. Нельзя. Сейчас никак нельзя. Вот еще, позориться перед ними не хватало» Я внаглую сделала два шага назад и привалилась спиной к стене. Так лучше. Так выстою. Старший особист, ничего не говоря, быстро вышел в коридор, и так же быстро вернулся.

– И ты утверждаешь, что все было по-другому? –от порога спросил он.

«А голос как бы удаляется. И звучит невнятно как-то. Мне бы только успеть доказать. Может хоть он поймет?»

– Да! По-другому. Но сейчас речь не обо мне. Силантьев, он же хороший командир. Он организатор. Он не сломался. Он сумел сбить группу интернационального сопротивления. Они

там, в лагере, много чего полезного сделали для людей. Долго рассказывать. А когда возникла угроза экстренного уничтожения всего лагеря. А это семнадцать тысяч с половиной примерно человек, их бы всех сразу. Потому что фронт быстро приближался. Тогда сопротивление подняло восстание. Нас было семьдесят шесть человек сначала. Против четырехсот с заходом охранников. У нас было пять пистолетов и три карабина. А остальное – ножи, заточки и кирпичи. Это именно он, Силантьев, организовал всё так, что мы победили. И мы держали оборону больше суток, пока наши не подошли. Понимаете, товарищ майор, его нельзя расстреливать. И арестовывать нельзя. Он теперь фашистов зубами грызть будет. Он никакой не предатель. Мне нужно просто, чтобы вы сами с ним поговорили. По-честному, без подстав в допросе. Не заваливая нарочно, как меня сейчас заваливали, чтоб никакого выхода. Просто еще раз поговорить с человеком, прежде чем выносить приговор.

– Да не слушайте ее, товарищ майор. Они сговорились друг друга выгораживать. И этот Силантьев, он ее тоже выгораживал. Вон, даже бумагу с собой приволок. С подписями за нее. Вот! Представьте себе. С подписями. Целых двести тридцать восемь подписей с расшифровкой, там пронумеровано даже.

Лейтенант подал несколько скрепленных между собой листков. Майор быстро пробежал глазами текст. Хмыкнул и дернул головой. Обратился ко мне:

– Тут такого про тебя понаписано! Это правда? Что скажешь?

– Ничего не скажу. Я не знаю, что там написано. Я первый раз вижу эти бумаги.

– Ты тоже принимала участие в этом восстании? – Да. То есть почти нет. Сначала мне запретили категорически. А потом в радиоузел. Но автомат свой я сама добыла.

– А еще здесь написано, что тебе восемнадцать лет.

– По факту – да.

– Но в Каскаде ты с января сорок третьего?

– Так точно, товарищ майор. Всё просто. Когда мне нужно было уйти на фронт, то я приписала себе два года. – и пожала плечами. – Многие же так делают.

– Сейчас сядешь к столу и будешь писать подробную объяснительную. Я уже сделала первый неровный шаг к столу, когда распахнулась дверь. На пороге стоял наш Кравцов. Александр Васильевич.

– Аня! Живая! Анечка!

Он подскочил и стиснул меня в объятиях.

А я самым позорным образом немедленно сползла в глубокий обморок.

Глава 2 Группа крови

Январь-февраль 1945г. Пруссия. Действующая РККА

Из-под одного ареста – под другой. Стремительно и неизбежно Нет. Не было ни решетки, ни конвоя – узкая койка за ширмой из простыни в прифронтовом медсанбате. Но шаг вправо – шаг влево – стой: лежи, сиди, ешь и спи. Да и не больно куда и выскочишь без одежды-то. Одно лишь солдатское мужское исподнее. И хорошо, что мужское. Кальсоны, они длинные. И не докажешь никому, что вполне нормально, то есть вовсе хорошо себя чувствовала на шеститом разовом питании. Всерьез откормить решили. Понемногу, но часто. А еще мне пришлось дважды писать объяснительную для особого отдела и рассказывать. Меня вызывали в освобожденный для этих допросов соседний врачебный кабинет. Я сидела около стола, кутаясь в дежурный, до невозможности пропахший куревом ватник и рассказывала Андрею Кузмичу. С ним общаться было проще. Он не старался меня нарочно утопить. Просто внимательно слушал. Иногда задавал конкретные вопросы. Когда с рассказом об одном и том же, а именно о последнем дне работы Каскада, мы завернули на четвертый круг, я не выдержала и спросила: – Вы всё еще надеетесь, что я собоюсь? Зря. У меня очень хорошая память. Я наших ребят никогда не забуду. Приказав мне уже успокоиться и поправляться, особисты от меня отстали. Андрей Кузмич, когда прощался вдруг вернулся уже от порога. Вновь сел на стул и вздохнул. – Ты на нашу службу зла не держи. Один карьерист завелся, так не по одному дебилу о всех судить. Он ведь тоже из чисто благих побуждений с вами так. Он ведь как думал: чем больше шпионов вражеских выявит, тем больше ему славы. А что по головам людским шел, до него не доходило. Недавно прибыл. Не понимает еще ничего. Ловить гадов фашистских нужно обязательно. И таких много попадаетеся. И пособники и лазутчики так, бывает, хитро маскируются и на жалость дают. Наше дело суметь разобраться. А он не сумел. Так что, давай прощаться. И больше на допросах не встречаться. – Не! Мне одного раза... – искренне заверила я. И вроде бы СМЕРШевцы окончательно отстали от меня. Но расписку о неразглашении я все-таки им написала. Ладно, хоть только ей отделаюсь. А врач мне открыто сказал, что в моем состоянии я для службы никак не гожусь. Это он зря! Очень даже гожусь! Сейчас, тем более. Они бы на меня перед побегом из Зандхофа посмотрели. Вот когда меня, действительно, от ветра качало. Не то, что сейчас. В зондеркоманде меня хорошо кормили, Вальтер потом тоже на работе меня подкармливал. К тому же норма девятого блока, который для немцев и прочих западных европейцев, от кормежки второго детского ощутимо отличалась в лучшую сторону. Так что к середине января я по лагерным меркам выглядела вполне нормально. А эти медики взялись ахать: "истощение, плохо выгляжу..." Не видели они еще тех, кто действительно плохо выглядит! А я видела. И Вальтер видел. Ему, наверное, на территории лагеря до сих пор работы невпроворот. Пока всех заключенных, теперь бывших, по домам не отправят, без медицинской помощи их оставлять нельзя. Он не был коммунистом – обычный немецкий доктор, оставшийся верным клятве Гиппократата и своей человеческой совести даже в условиях концлагеря. Посмотреть бы на него через пару лет. Мне принесли погоны, новенькие, завернутые в чистую тряпочку. Звание старшины сохранили. На исподнее их не прицепишь, но, даже находясь под подушкой, они меня успокаивали. Сказали, что и документы попозже отдадут. Уф! Можно выдохнуть. Капитана Савельева отправили в тыловой госпиталь. Что-то у него с рукой было не совсем ладно. Здесь оставлять не рискнули. Мы с ним еще раз поговорили на прощание. Я ему свой домашний адрес дала. Может быть, и напишет когда. Вроде бы и от него обещали отстать. Безо всяких статей, трибуналов и фильтрационных лагерей. Это хорошо. А то ведь разные варианты могли случиться. На третий день моего госпитального ареста Кравцов принес мне новость. Оказывается, это Сережа вышел к партизанам. И

вывел того самого пленного гауптмана, что стреляя тогда, попал в меня. Как оказалось, это был очень ценный специалист по оборонительным сооружениям. И все его документы Сергей вынес. А в них – подробнейший план постройки сооружений для обороны, подготовленный фашистами, чтоб сдержат наше наступление. Через неделю скитания по лесам, а Сергей был ранен, он находился в очень плохом состоянии. Их обоих немедленно отправили специально вызванным самолетом. Как говорили партизаны, на Большую Землю. За этот подвиг Сергею Сарматову было присвоено звание Героя Советского Союза. Остальные ребята из Каскада были награждены орденами Отечественной войны. Посмертно. И еще предстояло доказать, что я-то не посмертно. А потом Кравцов помялся и сказал, что Сережа умер в госпитале. То есть погиб при авианалете во время перевозки. – Нет! Он не мог умереть! Так нельзя! Так неправильно! У меня было много времени для тоски. Я и тосковала. Знала, что обо мне шушукуются. Но с разговорами я ни к кому не лезла, лежала у себя и молчала. Общались только с соседом через занавеску, взрослым уже мужиком, лет под пятьдесят, с тремя пулевыми. Да и общалась только потому, что он сам то и дело звал меня – просил поправить повязку на поросшей рыжим волосом спине. Вечно она у него сбивалась, и узел под лопатку сползал так, что лежать становилось неудобно. А еще у этого соседа под подушкой был спрятан трофейный браунинг. Он его сослуживцам показывал, что к нему приходили, а я, грешным делом, подсмотрела. На пятый день поздно вечером я проскользнула в кабинет нашего хирурга. Он сидел и заполнял бумаги. А мне очень нужна была сухая марганцовка. Медсёстры не дали. Может, он даст?– Зачем тебе марганцовка? – врач поднял от бумаг усталые глаза.– Номер лагерный с руки вытравить. Мне сказали, что нужно сухой марганцовкой засыпать, прибинтовать и намотить и держать ночь. А потом смыть. Тогда всё выжжет. Не хочу, чтоб он был...– Вот, глупая! Выдумала тоже, – потом потребовал. – Покажи руку. Я показала. Он цепкими пальцами ухватил, понаклонял так и сяк. Кожу туда-сюда над цифрами пооттягивал. Зачем-то долго слушал пульс. Потом сказал:– Применение марганцево-кислого калия – это варварство и вредительство. Ты же девушка. Зачем тебе еще один некрасивый шрам? Уберу хирургически. Только под местной анестезией. Под общий наркоз у тебя сердце совсем не годится. Шрамик останется аккуратный. Согласна?– Конечно, согласна! Я бы и без анестезии согласилась. Лишь бы убрать поскорее. Перетерпеть можно. – Тогда давай завтра вечером, если экстренного ничего не будет. От номера я избавилась. Уже хоть что-то. Хотя в общую баню и на пляж мне лучше не ходить, чтоб ни у кого всяких лишних вопросов не возникало. Шкурка-то и без номера была попорчена знатно. Заканчивалась третья неделя моего заточения. Скоро так отъемся, что буду на ходу пыхтеть, с ноги на ногу переваливаться и брюхо впереди себя таскать. Как-то поздно вечером сосед мой надолго застрял на улице. Небось, опять мужики байками друг друга развлекают и анекдотами похабными. То-то ржут взход. Отсюда и то слышно. В это время санитарка наша, Дианочка, с незлым ворчанием меняла постельное раненому через койку от меня. Она уже закончила и собирала грязное, чтоб связать в узел, когда забежала медсестра Нина и спросила: – Диана, у тебя какая группа крови?– Третья положительная. – Ой, и твоя не подходит... И заговорила быстрым шепотом: – Представляешь, уже третьего сегодня привозят, и всё с первой группой. А этот вообще, лейтенант молодёхонький такой, разведчик. Исаич сказал: критическая кровопотеря. Операцию-то сделали, и удачно, а кровь взять уже больше не у кого. Запасы нужные по нулям. Завтра только подвезут. Галинка и Дарьей уже лёжкой лежат, и Маринка тоже, все сдавали сегодня. Послали всех первую группу искать да пока что и где А привезут только утром. Не успеют ведь. Не дотянет он. Эх, жалко лейтенантика. Исаич ведь три часа над ним колдовал, сам еле на ногах стоит. И всё зря, получается? Потом они обе вышли. Я полежала еще минут пять, подумала. Первая группа была у меня. И разведчик. Быстренько накинула халат, завязала лямки и, приподняв простыню у изголовья, дотянулась до соседской подушки. Быстро выудила из-под нее пистолет. Так было нужно. Это для убедительности! В глубоком кармане этого халата не то, что пистолет, половину карабина спрячешь. – Это для

убедительности, – еще раз повторила я сама себе. – Исключительно ради нее. Накинув на плечи одну из общих дежурных телогреек, я выскользнула на улицу. Какая темень! Хирургия была справа. Вот крылечко в три ступеньки, я распахнула дверь. Проскользнула коридором в нужный кабинет. Мне повезло. Александр Исаич был тут. Он, сидел на стуле, наклонясь вперед и о чем-то задумавшись. Около него молча стояли две медсестры. – Александр Исаевич. – с порога заявила я. – У меня первая положительная группа. Возьмите кровь для того разведчика у меня. Он поднял голову, осмотрел на меня и вдруг взорвался: – Ермолаева! А ну, марш в кровать! И чтобы я тебя больше здесь не видел! Ишь чего придумала! – Александр Исаевич! – пыталась я убедить доктора. – Быстрее Вы нигде сейчас не найдете крови. Берите! Я прекрасно себя чувствую. – Девочки! Выведите отсюда эту безмозглую идиотку. Немедленно! – Да щас! Браунинг оказался в руке мгновенно. Медсестры, уже сделавшие пару шагов ко мне, отшатнулись. – Всем стоять! Не подходить! Они шарахнулись от меня еще дальше. Не разучилась я еще командовать. – Сдурела?! А ну-ка убрала оружие! Хирург громыхнул яростным голосом не хуже громовержца. Но не на ту напал. – Я сказал, сейчас же вывести ее отсюда вон! – Ага! – я вновь повела стволом. – Стоять всем! Александр Исаич, глядя на меня в упор, произнёс насколько можно убедительным тоном: – Аня, положи, пожалуйста, пистолет. Ты не выстрелишь в своих. Я знаю, что ты не посмеешь. Он был прав. В медсестер не смогу. А зато вот так – вполне: холодный металл ствола вскинулся к моему правому виску. – Вы всё равно получите сейчас кровь. Первую группу. Свежая трупная, она ведь тоже подойдет! Я же знаю. Сколько ее во мне, два литра? Три? Достаточно будет? – Прекрати немедленно! – Ага! Там у вас лейтенант в критическом состоянии, а вы тут выдрыгаетесь. Вам нужен скандал с самострелом? Объяснительную потом писать? Короче! Не верите, да?! Мы смотрели глаза в глаза. Не мигая. И ни один не сдавался. – Ра-аз! – произнесла я ледяным голосом – Два... Указательный палец на спусковом крючке чуть шевельнулся. – Стой! Дура! Идиотка! Сдохнуть хочешь? Стой! Хрен с тобой! Чокнутая! Ложись иди на переливание. – Не сдохну! Не дождётесь! Я стянула с плеч ватник, не выпуская при этом пистолет. – Марина, проверь группу крови у этой идиотки. Меня провели по коридору. Посадили к столу. – Да первая, первая – недовольно пробубнила я, подставляя безымянный палец. "Черт! Как больно-то! Нарочно что ли со всей злости ткнула?" Я смотрела, как мою кровь размазывали на четыре лужицы, капали реактив, перемешивали. – Первая положительная, Александр Исаевич. – Хорошо. Одевайте ее. – и уже мне требовательно: Отдай пистолет! – Щас! Мне протянули кружку. Я кивнула и быстро залила в себя ее содержимое. С глюкозой что ли? Я знала, так надо. Чтобы лучше кровь текла. Мне девочки с первого детского рассказывали. Они-то это на себе познали. Мне подали марлевую косынку, голову покрыть, помогли надеть белый халат и лечь на соседний стол рядом с раненым. Я покосилась на его лицо, цветом мало чем от простыни отличающееся. И на щеке подсыхающая уже большая ссадина. «А ведь я его знаю. Он из Паруса. Помню, он к Сергею приходил, в апреле еще. Вспомнить бы еще фамилию Врешь! Не дам умереть!» Мне надавили на щеку прохладной ладонью в резиновой перчатке: – А ну, повернула голову, нечего подсматривать. Посмотреть не дали! Жалко, что ли? В мою вену иглу, в его вену иглу. Шланги, зажимы, шприц – это прямым переливанием называется. – Работай кулаком, – спокойно потребовала медсестра: – лучше работай. И я работала. Моя теплая кровь перетекала в полупустые сосуды раненого. «Пусть ему станет легче. Пусть! Он должен жить.» А в другой руке я упрямо держала пистолет. Я не дам раньше времени отсоединить иглу. Пальцы устали сжимать-разжимать кулак. Я старалась перемежать движения, упрямо сжимая его вновь и вновь. Чтоб текло лучше. – Ты как? – то и дело спрашивали меня. – Голова не кружится? Не тошнит? Глаза не закрывай. – Нормально мне, берите – врала я до последнего. – Да не закрываю я ничего. Не зак И резкий запах нашатыря и обеспокоенный голос откуда-то издалека: – Давай, давай возвращайся уже. Ну, что ты? – А? Черт! – дернулась. Первым делом оружие проверила. Пальцы намертво сжаты. Браунинг на месте. «Уф! Хорошо. Его же вернуть нужно.» Мне забинтовали

руку в локтевом сгибе. Помогли подняться. – Как он там? – спросила, пытаясь оглянуться. – Хорошо. Состояние стабилизировалось. Можно эвакуировать. Теперь, точно, доедет. – Вот и ладно. Не зря! А потом я сидела в сестринской и пила сладкий-пресладкий чай. С хлебом. А на хлеб американская консервированная колбаса из банки положена. Толстым щедрым слоем. Такая слабость накатила! Век сидела бы и не поднималась. Я опять нагло соврала, что всё нормально. С трудом заставила себя одеться и выйти. На улице голова закружилась еще сильнее. Чуть отойдя, я присела на корточки и некоторое время сидела, свесив голову и опираясь ладонью о землю. Постепенно продышалась. Доплелась до места. Сосед с ближайшей койки опять сидел на крыльце и смолил так, что дым разве из ушей не валил. Как удачно! Я запихнула его пистолет на место, вроде бы, как и совсем не брала. А теперь спать. Спать и спать. Следующий день изобилдовал на взывания к моей совести. Все отповеди начинались и заканчивались тем, что совесть-то у меня, оказывается, отсутствует. А как можно звать к тому, что отсутствует? Сначала меня отчитал доктор. Я покаянно склоняла голову и делала вид, что сильно прониклась, и мне стыдно. На самом деле стыдно мне ни грамма не было. С чего мне стыдиться? Тем более, ведь всё хорошо закончилось. Ладно. Стерпим. Дала честное слово, что больше не буду так. И не покривила душой: именно так не буду, но мало ли других способов? Потом сосед ругал шипящим шепотом. Догадался про пистолет. И опять я убеждала его, тоже чуть слышно, что ни-ни. Больше ни разу, ни в коем случае, да «ни в жисть», даже пальцем не дотронусь. А потом, к обеду почти, Кравцов. Александр Васильевич. Майор наш эмоций не сдерживал. Завернул он так, что все раненые в палате проникновенно заслушались. Талант! Тут я уже не выдержала и, решив, что нападение – лучшая защита, поперла на него. А что он мне сейчас сделает? Да ничего! – Какой пистолет? Да не было никакого пистолета! Встав, я демонстративно развела руки в стороны: нате, обыскивайте. Нет у меня ничего. И в глаза командирские, злые молнии мечущие, честно и прямо смотрела. Услышала, как сосед подобрался и быстро пошаркал в сторону двери. Голову на отсечение дам, что он браунинг свой с собой прихватил. Так, на всякий случай. А я подушку свою в сторону откинула. – Ну, где я вам что здесь спрячу? – и за матрас рукой взялась, задрать: Ищите. У меня, между прочим, мой шмайссер, который эмпешка, еще в первый день отобрали. А ведь я его сама трофеила – на автоматчика того с одним кирпичом попёрла. А вы отбирать! И нож тоже забрали. Так нечестно! – С каким кирпичом? – С красным, с печным. С половинкой. Целый-то, он тяжелый слишком. – А если бы он? – Значит, я бы сейчас с вами здесь не ругалась. Он не успел тогда. Сам виноват. Так что, отдавайте мой автомат. И нож тоже. И вообще, я вчера всё правильно сделала, товарищ майор. Он мне еще немного повыговаривал, постыдил. Потом подал шоколадку. – Держи! Спасибо тебе за Берёзкина. «Берёзкин! Точно, Берёзкин ему фамилия, тому лейтенанту». Напоследок Кравцов пригрозил, но уже беззлобно. – Ой, смотри у меня Еромолаева! Под вечер ко мне пришли двое незнакомых разведчиков. Я так поняла, что из Паруса. Один темненький, пониже, гибкий, жилистый. Второй – голубоглазый плечистый шкафчик. Такой фашиста одной левой заламает безо всякого оружия. Оба веселые и жизнерадостные. А разбитые, подсохшие в коросту костяшки правого кулака у блондина, и широкая отчетливая ссадина через левую бровь и скулу брюнета, – это так, чуть-чуть не считается. Также благодарили за своего командира. Принесли мне две банки сгущенки, тоже шоколадку, только круглую трофейную, люфтваффовскую. Значит, где-то летчиков немецких пощупали. У танкистов немецких другие шоколадки, тоже круглые, но другие. Я их раньше ела. И сухариков подали в маленьком льняном мешочке, мелко нарезанных и в масле поджаренных. А еще выдали мне три морковки. Внушительных таких. Даже почищенных. Я распихала все это богатство по карманам халата и стояла с разведчиками на крыльце, кутаясь в дежурный ватник, пока не замерзла. Парни велели поправляться и позвали к себе в разведгруппу – радист у них вчера погиб. «Я бы с радостью. Надоело здесь уже. Я обязательно попрошусь у Кравцова». В тот день я разжилась у соседей карандашом и листочком, встала возле подоконника и написала письмо маме. Даже страшновато было

писать – не знала, с чего начать. Я же последний раз ей еще в мае письмо посылала. «Мама, привет! Наконец у меня появилась возможность написать. У меня все хорошо, Жива, здорова. Ты прости, совсем не было никакой возможности сообщить о себе. Так получилось. Извини, что тебя напугали. Они не хотели, они сами ничего не знали. Связи совсем никакой не было. Но ты же понимаешь, если я, как папа, то сама все можешь представить. Он со своей работы, сама помнишь, как часто писал? Так тогда еще и войны не было. Еще раз повторяю: у меня все хорошо. Ну, ладно, сознаюсь, тогда, в мае, меня немного подстрелили. Но одна пуля не считается ведь? И это было уже давно. Всё нормально, я как новенькая. Сейчас вообще, не война, а курорт. Сажу в тепле, на стульчике. Кормят очень хорошо. Мама, напиши, как ты сама? Наверное, сильно очень устает? Как хочется на тебя посмотреть и поговорить. Но мы же скоро встретимся! Еще совсем немного осталось. Я тут недавно ходила кровь сдавать для знакомого раненого. Здесь совсем рядом идти. Там совсем край был по времени, а у меня, если помнишь, первая группа. Ну, сама посуди, ты ведь врач, если бы у меня были какие проблемы со здоровьем, стали бы у меня кровь брать? Не стали бы. Погнали бы поганой метлой. Дома, наверное, снегу больше, чем здесь. Банница уже вскроется скоро. Адрес у меня поменялся. Пока не пиши, скоро еще раз поменяется, я сама еще раз напишу и сообщу новую полевую почту. Очень жду встречи. Твоя дочь Анна.» Я сложила листок привычным треугольником, написала адрес маминой полевой почты и подала санитарке. Она обещала утром отправить. Я, конечно, попросилась у Кравцова, чтоб в разведгруппу. Уже через пять дней, сразу же, как только он ко мне пришел с очередным гостинцем. И была послана. Без мата. Вежливо, но далеко, окончательно и бесповоротно. Что по врачебному заключению с моим состоянием здоровья никакая разведгруппа пусть мне даже и не снится. И чтобы я сказала спасибо, что меня вообще не комиссовали. А надо бы! Очень даже надо. И чтобы я завтра собиралась к новому месту службы - машина за мной придет. Нищему собраться – только подпоясаться. Вещей-то у меня никаких абсолютно не было

Глава 3 Новое назначение

Февраль-март 1945г

Германия

действующая РККА

Полуторка бодро катила на юго-запад. Полноватый водитель, в возрасте уже, крутил баранку, пыхтя и отдуваясь. Поел, видимо, сытно, да еще и впрок. На мне была новая форма, как привыкла: ватник и стеганые штаны. Мне настойчиво пытались втюхать юбку и красивый берет – нет уж, сами сверкайте зимой голыми ляжками. Кирзачи на теплые портянки и толстую войлочную стельку сели вполне нормально. Это был самый маленький размер, что нашелся. Сорок первый против моего тридцать восьмого. Ладно, сойдет. Кроссы бегать, думаю, не придется. В кузове сидел тот самый голубоглазый разведчик из Паруса. Он, свесившись оттуда, отдал мне мой автомат и нож. Видимо, Кравцов все же усовестился. Вернул законный трофей. И документы мои – надо же сохранились! Стало значительно веселее. А еще при мне был запечатанный пакет – вручить новому начальству. Разведчик пару раз стукнул по крыше кабины, и мы поехали.

Вот чего не отнять у немцев, дороги у них хорошие. Через пятнадцать минут машина остановилась возле распахнутых ворот покинутой хозяевами усадьбы, теперь занятой нашими военными. Водитель показал часовому пропуск и проехал внутрь. За забором стояли три крытых машины-фургона с антеннами на крышах. Разведчик легко перемахнул через борт. В руках у него был туго набитый вещмешок.

– Вот, забирай свои вещи.

– Это не мое.

– Твоё-твоеё. Не сомневайся. Васильич тебе передать велел, ну и наши немного доложили немного: перекусить чего, подсумок, два магазина патронов трофейных и россыпью еще. Так что, бери и не сомневайся даже.

Ну я и приняла, невольно охнув. Тяжеленько. Ладно, хоть тащить недалеко.

– Мы часа через три обратно здесь будем, успевайте тут.

И полез уже в кабину.

– Угу, ответила я, помахала ему рукой и пошла к новому месту своей службы. Командовала тут женщина лет сорока с круто завитыми каштановыми кудрями, что почти касались ее капитанских погон. Я азартным движением вскинула руку к виску:

– Товарищ капитан, старшина Ермолаева прибыла для прохождения службы.

И протянула ей конверт. Она осмотрела меня строго и очень внимательно, с головы до ног, изучающе так. Напугала ежа Я знала, кого она сейчас видит. Тошую, коротко стриженую девчонку с тяжелым взглядом, одетую на мужской манер в новенькую форму безо всяких наград и знаков отличия, но зато с погонами старшины. С недоверчивым прищуром она уставилась глаза в глаза. Я, так и смотря чуть исподлобья, не стушеввалась и взгляда не отвела. «Ну, вот! И она туда же!» Зато начальница моя новая сделала это первой, причем резко, даже головой дернув немного. Ага! Моя красноармейская книжка заинтересовала ее больше. Она пролистала странички внимательно и полностью. Я следила за ее мимикой. Опять у нее на лице отметилось несоответствие написанного и внешности.

– Опыта работы в радиороте нет?

– Так точно. Нет, – честно созналась я. А чего таиться-то, если мало того, что не работала, так и не видела никогда близко таких подразделений. Знала, что они есть. Каждый день почти убеждалась, что мои радиogramмы кто-то где-то принимает. Но кто и где? Оказывается, вот здесь и принимали. Времени на беседы у нас не было, и новая моя начальница повела меня зна-

комиться с будущей напарницей. То есть с той девушкой, которая поедет в разведгруппу, куда меня не взяли. А я буду отсюда держать с ней связь. Девушка-брюнетка с погонами сержанта, яркой привлекательной, восточной внешности, старше лет минимум на пять, посмотрела на меня снисходительно. Форма, кстати, на ней сидела идеально. Сапожки начищенные блестели. Я бы не сказала, что приказ о переводе ее сильно обрадовал. Эх, дурында! А я бы бегом, да за счастье бы почла туда, к разведчикам. Но, увы, не судьба мне Слово-то какое – забраковали – надсадно скребущее изнутри, даже если вслух его не произносишь. Только подумаешь, а оно уже вот, больнѣхонько царапает. Бракованная я теперь. Даже просто в стрелковую роту не разрешили. «Ну, фашисты гады! Так ведь отсюда их и не достанешь. И пострелять вряд ли доведется. Обидно»

Нас представили друг другу. Девушку звали Маша. Мария Саянова. Еще одна Маша на моей военной дороге. Здесь-то мне что сколько просижу в эфире столько и ладно. А ей закругляться быстрее нужно будет. Но она еще об этом не знает. Ну, вот зачем надо было нас менять местами? И ей непривычно будет, и мне, руку на сердце положив, тоже. По новой привыкать. Я бы справилась там, в разведгруппе. Я же там все как свои пять пальцев знаю Чертовы медики! Что они понимают! Забраковали! Заслали! Возле нас столпились пять девушек. Чуть позже парни присоединились. Один темненький полноватый немного, в круглых, тоже черных очках. Другой повыше, русский, с вытянутым, узким лицом, заметно прихрамывающий. Допрашивала Маша меня (иначе не скажешь) со снисходительной интонацией. Ну и пусть. Мне было необходимо скорее послушать ее в эфире, а ей меня. Чтоб запомнить. И манеру передачи нового корреспондента уловить, и скорость хоть примерно прикинуть. Чтоб легче потом искать было, чтоб быстрее сеанс закончить.

– Ты чего как вырядилась? – спросила будущая напарница, скептически оглядывая меня.

– Так удобнее же и теплее.

– Удобнее! – неодобрительно скривилась она.

– Ага! Сама завтра так же оденешься. Или сегодня уже.

– Вот еще! – дёрнула она красивой головкой. И перевела разговор, спрашивая меня уже о другом: – Ты на РБ работала? А на этом? – она по-хозяйски обвела рукой рабочее место.

– Нет, – честно созналась я, – изучали только на курсах, а так не приходилось. Но если посадят, значит, сориентируюсь. А так только на «Север-Бис»

– И сюда ты, свеженькая, сразу с курсов что ли?

– Нет. Из госпиталя прямой наводкой. Сначала по ранению. Потом по болезни. За рацией давно не сидела.

– Как передачу вести хоть помнишь?

– Помню, конечно.

– И то хорошо Произнесено это было тоном: мол, вот смотрите, милые девушки, с кем вам работать придется.

– Что у тебя со скоростью? – продолжила она в том же духе.

– Не знаю. Проверять нужно. Прикидывать. Говорю же, давно не работала. Могла руку сбить. Но примерно по среднему должна бы передавать.

– И чего мы тут разговариваем? – почти приказала мне она.

– Садись! Передавай! Я послушаю кого мне прислали. Учти, я 25 групп передаю. Успеешь за мной?

– Догадайся с трех раз. – я уже не сдержалась и подколола новоявленную командиршу:

– Буду тебе передавать четко и медленно.

– Медленно?! Ты издеваешься?! – взвилась она.

– Нет. Только давай сначала ты на передачу, а я на прием. Тут девушка уже начала заводиться. Раздражение у нее разрасталось. С одной стороны, это и хорошо. Хоть узнаю, как она будет работать на психе. Как говорил нам инструктор: в стрессовой ситуации

– Вот это буду передавать! Вот волна. Ищи. Слушай!

Она, припечатав раскрытой ладонью, выложила на стол передо мной листок с текстом смешанной радиogramмы. Я слушала ее передачу и смотрела на листок. Пока ничего не записывала, просто вслушивалась в эфир, стараясь уловить нюансы в звучании морзянки. Почерк у этой Маши жёсткий, выколачивающий буквы. Чуть затянутое тире. Особенно, которое идет последним в букве и слове Понятно. Узнаю. Попросила передать радиogramму еще раз. И, слушая, прикрыла глаза сцепленными в замок пальцами, чтоб не отвлекаться. На просьбу третьего повтора Маша вообще психанула.

– Ты чего, совсем тупая, что ли? Со слухом плохо? Я уже десять месяцев как здесь. Я передавала, и никто не жаловался, что не понимает. Ты первая! Меня вообще, просто посадили и сказали: вот волна, вот позывной. Принимай.

– Мне тоже. Да я и не жалуюсь. Запомнить тебя стараюсь. И ты мой почерк запоминай.

Такую скорость на передачу, как для нее потребуется, я спокойно выдам даже сейчас, без тренировок. Кто поопытней уже поняли, что происходит. Начальница и другие любопытствующие одна за другой надели головные телефоны.

– Теперь ты меня слушай. Этот же текст передавать?

– Другой.

– Ну, другой так другой, – согласилась я и протянула руку за листком. – Без разницы.

Я передала предложенную мне радиogramму. Покосилась на будущую напарницу. Она старательно писала. Я повторила передачу еще раз. И вдруг из-за соседнего стола вскочил тот самый высокий парень, сгрёб меня в охапку. Я еле успела головные телефоны снять, а то бы оборвал все к ляду. А он поднял меня и закружил:

– Волна! Я узнал! Волна! Каскад! – приговаривал он радостно.

– Я же Волга! Помнишь?

– Волга? Это ты? Правда? Ты?

Это было неожиданно и так тепло, что я искренне улыбалась. Вот только времени сейчас у меня на воспоминания совсем не было, и я быстро выпуталась из его рук.

– Подожди. Пожалуйста! Мы сейчас разберемся с моей будущей напарницей и поговорим. Обязательно поговорим. У нас с ней времени очень мало.

А Маша смотрела на меня подозрительно и непонимающе. Ну, да, если десять месяцев, значит, она пришла сюда чуть раньше, чем я ушла из эфира, самый конец захватила. Но ладно. Все потом. Зато начальница моя будущая взглянула на меня совершенно по-другому. Я еще раз передала текст, уже чуть быстрее.

– Так принимать успеваешь? – девушка вроде бы успевала.

– Уже лучше. А еще быстрее?

Руки-то у меня, оказывается, до сих пор помнили еще кое-что. Всё. Для нее это был предел. Она начала ошибаться. Переспрашивать.

– Понятно. – выдохнула я, – Но ты все равно, когда в свободное время, тренируйся, нагоняй скорость, а то, чем медленней передача идет, тем быстрее бегать потом придется.

– То есть? Почему бегать?

– Ну, если немцы запеленговать сеанс успевают, то сразу же почти присылают по координатам привет. Минометный или артиллерийский. Вот и бежишь оттуда до задыху. И только тут до девушки начало доходить то, что я не зеленый новичок, как она решила поначалу.

– Подожди, – немедленно поинтересовалась она после запоздалого озарения. – Тебе сколько лет-то?

– Восемнадцать. И уточнила для солидности. – С половиной.

– А на фронте ты тогда сколько?

– С января сорок третьего. В разведгруппе.

– Подожди, – Маша уже повторялась, – Так это по тебе Семен в мае ходил плакал? – И рукой показала на смущенно опустившего голову Волгу. – Он ведь тогда больше недели в эфире всё свободное время сидел, искал. Его ругали уже, а он всё звал. Надеялся, что отзовешься. Я только недавно тогда пришла. А у него место рядом, от меня справа. Поэтому я и запомнила.

– Ладно. Это потом, – отмахнулась я, – ты запомнила, как я передаю? Узнаешь меня по почерку? Или повторить?

И я повторила еще дважды. А затем мы удалились ото всех любопытствующих в сторонку и оставшиеся полтора часа до приезда полуторки, во время Машиных лихорадочных сборов, обсуждали всякие нужные мелочи. И сколько еще чего я ей забыла сказать, наверное! Расстались мы вполне по-дружески. Машу тоже посадили в кабину, и машина тронулась, кстати, третьей в колонне. Потому что вечер уже почти. Опасно по одиночке ездить.

Теперь бывшая Машина койка была моей. И рабочее место тоже. Но мне все равно было грустно. Почему не я? Ну, почему? Я же там всё-всё знаю. А здесь – нет. Да еще, этим же вечером, одна из девушек, кудрявая и красивая, прижала меня своим внушительным бюстом к стене и прошипела, только что ядом не плюнула:

– Не вздумай к Семену клинья подбивать, новенькая! Я – Лида, запомни. И еще накрепко запомни: он – мой! А иначе, пеняй на себя!

И быстро пошла прочь. Ничего себе заявочки с первого дня! Собственница нашлась грудастая! Эх, мне бы хоть половину того богатства! А Семен? Да не нужен он мне как жених! Ни кляпа не нужен. У меня Сережа есть. Его просто нужно найти. Ведь официальной похоронки на него не было. А что без вести, не считается. На меня тоже присылали, и чего? Живехонькая.

Прижиться в женском коллективе было непросто. Девушки в открытую меня ревновали ко всем мужчинам. И не только к Семену, но даже к водителям. Я попыталась объяснить, что мне мужское внимание вовсе не нужно. Не поняли. Ну и пусть! Я делала свою работу, общалась по необходимости и с разговорами ни к кому не лезла. Ни с кем из девушек подружиться не пыталась. От расспросов уклонялась. Регулярно наводила идеальный лоск на свое оружие: и ТТ, и автомат трофейный. Хоть там и грязи-то не было. Не пользовалась ведь. Но лишь бы руки чем-то занять. С Машей вроде бы сработались. Она в эфире, как и при нашем знакомстве, была не очень быстрой, но передачу вела четко, без сбоев и принимала ответное, не переспрашивая. Но и я для нее особо не торопилась. Эх, я бы предпочла сама с разведгруппой походить.

В конце марта Маша перестала выходить на связь. Не резко, когда группа на задании и связь сегодня была, а завтра вдруг нет. Просто не давали мне указаний, что с Парусом нужна связь. А загружали меня всякими одноразовыми поручениями. Может быть их куда-то и не посылали, а сидели они себе всей разведгруппой где-нибудь в одиноко стоящей бывшей господской усадьбе, колбасками немецкими баловались, содержимое погребов втихаря дегустировали, хотя это и не приветствовалось. Неделью тихо, другую тихо – тоска зеленая Это я думала, что все плохо. Говорят, если человек не понимает всей глубины своих заблуждений, ему показывают это наглядным образом.

Весна наступала быстрее, чем наши войска. Но и они продвигались. И мы вместе с ними. На шестнадцатый день от обрыва связи стало известно, что со старым господским домом я угадала, но в остальном...

Разведгруппа Парус в полном составе была откомандирована для получения какого-то груза в недалекий, но уже тыл. Получение задерживалось. До наступления сумерек загрузиться не успели. Так как передвижение в темноте настоятельно не рекомендовалось, им пришлось заночевать в бывшей усадьбе – у тыловиков АХЧ, хозяйственной части то есть. В правом крыле одиноко стоящего одноэтажного здания. Глубоко за полночь усадьба эта была атакована и сожжена. Часовых сняли беззвучно. Оказывается, не только мы умеем это делать. И в первую очередь разгромили то самое правое крыло. Фауст-патронами. Вообще-то, они для уничтожения танков предназначены. Но по окнам спящего здания тоже как говорится, без шансов А

потом бутылками с зажигательной смесью. Те, кто выжил после первого удара, организовали оборону, и к утру полностью уничтожили нападавших. Но разведчиков Паруса в числе оборонявшихся усадьбу уже не было. Ни одного. Вот так. Даже не в бою. Ночью. Спящих.

После этого нам прислали приказ усилить ночное патрулирование территории. А через день мы передислоцировались на новое место, продвигаясь вперед – вслед за нашими войсками. Я тогда ехала внутри фургона, а значит, следить за дорогой у меня возможности не было. Хотя и старалась прислушиваться, держа автомат под рукой. Просто так, одним разом разведчика в себе не отключишь. Семен, несмотря на недовольство девушек, сидел рядом со мной. Он всё равно еще на что-то рассчитывал в наших отношениях. Может, надеялся, что я увижу в нем наконец, не только друга, хотя жесткие границы в общении я выставила в первый же день. Как это нередко бывает, дружбы ему было слишком мало. Мне – в самый раз. Ехали мы около часа. Потом машина притормозила и остановилась. Я услышала голос снаружи.

– За ворота и направо, до двухэтажки. Там покажут.

Машина проехала еще немного, и вот мотор заглох. Приехали. Я забрала свои вещи, автомат и спрыгнула первой, как только открыли дверь. Самостоятельно спрыгнула, хотя Семен снизу протягивал мне руки. Зато Лида, стоявшая за моей спиной, радостно воспользовалась его помощью. Я повернулась, чтобы оглядеться, куда же нас привезли. Вскинула глаза и невольно поперхнулась воздухом:

– Ёж!

Аж дыхание перехватило. Чего-чего, но этого я увидеть никак не ожидала. Совсем. Впереди, за полосой ровно стриженного кустарника и не ожившим еще после зимы газоном, ровным бесконечным рядом стояли железобетонные столбы с натянутой на изоляторы многорядной колючей проволокой. А за ними, строго параллельно друг другу, располагались, вполне узнаваемые длинные строения с крупными номерами, белеющими на торцевой стене каждого блока. Далеко слева высилась красная кирпичная труба, сейчас без черного дыма над ней. Я немедленно присела на корточки, опустила голову, пытаюсь отдышаться. И, словно сквозь вату, слышала, как переговариваются наши девушки:

– Ой, что это? Настоящий концлагерь?

– Да, ну! На самом деле? Страшно как!

– Так он же пустой сейчас.

– Надо будет посмотреть.

– Вставай, – позвал меня Семен, – построение. – И спросил еще: – Ты чего такая бледная?

– Они что, совсем сдурели?! Другого места не нашли, нас разместить?!

Хотя логику размещающих я понимала, здесь обороняться проще, случись чего. Особенно если опять ток по проволоке пустить и пулеметчиков на вышки.

Мы сейчас находились на административной территории. Вдали просматривалась бывшая казарма для охраны. Возле нее было многолюдно и шумно. Даже аккордеон, видимо трофейный, неуверенно пиликал. Там уже расположилась какая-то воинская часть. Ближе к нам жилой особнячок с большим цветником, отгороженный от проволоки часто посаженными пушистыми елочками. И длинные здания слева – склады, скорее всего. Но проволоку и вышки по периметру никуда не денешь.

А еще здесь меня буквально сводил с ума запах. Мне он явственно чудился и жестко перехватывал горло, забивая ноздри и легкие. Незабывающийся запах смерти. Может, остальные просто ничего такого вовсе не чувствовали? Выдохся? Просто не знали наши девушки какой он бывает? Я же помнила все его оттенки: где, как и почему. И мне было от этого запаха уже физически откровенно плохо.

Как я поняла, для нас отвели административное здание. Внутри него было еще хуже, чем снаружи. Здесь нестерпимо воняло эсэсовцами. Их формой, их сапогами, одеколоном, оружием и всем остальным. Хоть сто раз проветри! Хоть противогаз нацепи! И дезинфекция

не помогла бы. Даже на втором этаже всё пропахло. Для меня, по крайней мере. Про первый этаж вообще молчу – через него столько народу прогнали!

Нам сказали, что можно будет группой пройти по территории бывшего лагеря. Так сказать, на экскурсию. Очень даже рекомендовали это сделать. Я выглянула в окно предназначенного под нас кабинета. Южное, оно смотрело на внешний газон. За пределы лагерной зоны. Словно в другой мир. Всё остальное у меня за спиной. Но я же знала, что там есть! Вместо того, чтобы развивать бурную деятельность по размещению, я обреченно плюхнулась на стул возле окна и закрыла глаза, намертво стиснув автомат. Я-то думала, что у меня нервы гораздо крепче. И вот, нате вам Сорвалась.

– Ермолаева, ты чего уселась? – голос начальницы был строг. Я услышала ее, видимо, не сразу. Но с трудом уловила-таки, что обращаются ко мне. Подняла затравленные глаза.

– Тебе что плохо, что ли? – оценила она мой не совсем адекватный вид.

– Плохо. – подтвердила я. – Можно я пойду в машину?

– Ты беременна? Только в этом меня еще не обвиняли!

– Нет, конечно! Просто плохо и все! Заболела я! Эти три дня я пережила с трудом. Естественно, ни на какую экскурсию я не пошла, в отличие от остальных наших. А девушки меня еще, как нарочно спросили, что я думаю о таких экскурсиях. И я ответила.

– Вам полезно сходить. Такое оно злость к врагу очень стимулирует. Чтоб понимали, за что их гадов, до последнего бить надо.

– А ты? – спросили меня, – не пойдешь?

– Не пойду, – я отрицательно помотала головой. – Вы там как-нибудь без меня. У меня своей злости – и вдоль подбородка себе резко ребром ладони чиркнула, – через край уже. Да только стрелять-то не в кого! И вообще, отстаньте уже от меня.

Девушки, ушедшие на территорию лагеря в сопровождении наших парней и водителей, вернулись потрясенные и даже в слезах. Если бы мне еще как-то удалось насовсем отключиться и не слышать, как они делились меж собой впечатлениями! И так плохо было. Семен сложил в уме один к одному, припомнив январский сеанс связи. И тихо спросил меня, едва мы оказались одни:

– Ань, ты так реагируешь на это место, потому что? – Сём, отвали а? Без тебя тошно!

– Понял! – отозвался он и больше до меня не домогался. И от других меня старался беречь. Первую ночь я напросилась дежурить, лишь бы только не спать. А потом каждый раз перед сном настойчиво уверяла себя, что это не Зандхоф. Совсем не Зандхоф. Другой лагерь.

Спать я ложилась рядом с Семеном. Внаглую. Сама его попросила. Ему в радость моя просьба оказалась. А мне это было просто жизненно необходимо. Да он и сам это понял. В первую же ночь. Потому что я, как только засыпала, почти сразу проваливалась в кошмар. Лагерная моя память была разнообразна и жутка. И Семен, не раз за ночь, тряс меня за плечи, пытаясь разбудить. А я потом долго еще не могла отдышаться и понять, где я на самом деле нахожусь. Дожила! Лида сначала из себя выходила. Потом вместе с остальными послушала, как я истошно кричу во сне, вроде бы смирилась. Тем более, днем я Семену не подмигивала, как это делала она, рук к нему не тянула. Я вообще вела себя нейтрально. Девчонки убедились, что мой вид вовсе не притворство и даже вроде бы стали меня немножко жалеть. И непонятно, что было обидней: равнодушие или эта общая снисходительная жалость. И когда мы, наконец, покинули это богом проклятое место, я не просто вздохнула с облегчением. Я вернулась к жизни.

Глава 4 Последний оскал

апрель-май 1945г Германия

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.